

Письмо 20. Натиск взбесившейся толпы

Вожди дорожке нам вдвойне,

Когда они уже в стене.

Игорь Губерман

Похороны Ясира Арафата в Рамалле, которые многократно транслировались по телевидению, навели меня на грустные размышления вовсе не по причине трагичности любой человеческой смерти. Умер вождь палестинского народа – человек выдающейся фарисейской хитрости, беспринципный лжец, организатор террора, убийств неповинных людей. Он насаждал ненависть, жертвуя жизнями своих преданных сторонников - шахидов. Каким невероятным талантом надо обладать, чтобы руками, по локоть в крови, принять Нобелевскую премию Мира?! Он хитрил даже со смертью: через полтора суток после объявления, что мозг не работает, пациент скорее мертв, чем жив, Арафат якобы открыл глаза. Тщедушный, низкорослый старик с замотанным клетчатой тряпочкой лицом, на которое и карикатуру не надо рисовать, поскольку оно и так карикатурно, снискал такую любовь своего народа, что беснующаяся толпа зомбированных людей лезла к его гробу с неистовой страстью, словно каждый готов был по первому знаку сам лечь в его гроб.

А ведь он не жалел их жизней, стал виной их нищеты, организовал режим постоянной опасности жизням их жен и детей. Он беззастенчиво грабил их, переводя на свои личные счета миллионы долларов, которые арабы-спонсоры всех стран щедро передавали «на борьбу с оккупантами». Его накопления, составившие, по разным оценкам, от \$1,5 до \$7 миллиардов, могли бы облагодетельствовать его народ. Его «безутешная» вдова, вышедшая за него замуж «по политическим мотивам», и дочь будут продолжать, как и прежде, жить в Париже и получать скромное пособие \$22 миллиона в год. До последнего момента он не верил в свою смерть, судорожно сжимая бумаги, обеспечивающие доступ к деньгам, хитро смеялся и тасовал своих соратников, чтобы никто не смог отнять ни денег, ни власти.

Подозреваю, что многие из сотен тысяч беснующихся по поводу смерти Арафата, все это знали. Но психология людей, их привычка к рабству и зомбирование магией власти, сводит их в эту толпу у гроба вождя с искренней верой в его бессмертие, с готовностью идти на смерть ради его дела и его тела. Им, конечно, кажется, что его смерть радикально ухудшит их жизнь.

Любовь палестинцев к Ясиру Арафату скомкала его похороны. С утра в Рамалле на подступах к резиденции «Муката», где он провел последние два с половиной года жизни, собралось около 200 тысяч палестинцев. Толпе удалось прорвать оцепление. Тысячи людей хлынули в ворота, сметая охрану, и заполнили все, включая вертолетную площадку. Вертолету с гробом пришлось долго кружить в воздухе, пока уговаривали толпу расступиться. Когда из вертолета стали выгружать гроб, натиск толпы был таким сильным, что палестинским спецслужбам пришлось стрелять в воздух из автоматов. При этом несколько человек получили огнестрельные ранения. Толпа прорвала оцепление, началась давка, с гроба сорвался палестинский флаг. Вместо панихиды гроб с телом пришлось спешно спрятать в мраморном саркофаге и по-быстрому засыпать землей. Затем машины

скорой помощи начали развозить с похорон раненых; точное их количество неизвестно, но, по-видимому, сотни.

Не признано, но удивительно последовательно соблюдается закон истории: трагедия всегда повторяется в виде фарса. Через 50 с лишним лет из памяти моей не стерлись похороны Сталина. В тот страшный день 6-го марта 1953, я - студент второго курса, написав прочувствованные стихи в траурную стенгазету Института, отправился к Колонному залу Дома Союзов, где лежал его труп для прощания. Добравшись до Пушкинской площади, откуда улица Горького как бы спускается к Кремлю, я увидел, что от стены до стены, насколько видит глаз, все заполнено плотной молчаливой людской массой, перерезанной несколькими линиями стоящих поперек улицы грузовиков, с военными на них, конной милицией сзади каждой линии. Как-то люди проникали через кордоны, образуя толпу перед следующим барьером, где толпа становилась гуще и плотнее, с молчаливым упрямством протискиваясь через эти фильтры. Я увидел упавшего на землю, которого с трудом вытащили к грузовику, и понял, что этим путем к Колонному залу не пробиться. С несколькими мальчишками мы вышли на Пушкинскую улицу, по которой люди возвращались из Колонного зала. Все подъезды и ворота были закрыты, но, перелезая через ограды, по пожарным лестницам и чердакам мы дошли до выхода из Колонного зала, когда он уже закрылся.

Только через десятки лет я узнал полную картину, и ужаснулся. Рано утром 6 марта московское радио объявило о смерти Сталина. Толпы людей устремились на Красную площадь. Многие плакали. По всей гигантской стране дома стояли в траурном убранстве красных флагов с черными ленточками. Даже в лагерях, переполненных людьми, пострадавшими от страшных репрессий его правления, многие горевали. В Москве тогда жило около 6 млн. человек, но транспортный узел работал с полной нагрузкой, доставляя до 2 млн. в сутки страждущих. Сотни тысяч людей со всей страны заполнили поезда, пароходы, самолеты, автобусы, прибывающие в Москву, чтобы попрощаться с великим вождем, пройти мимо гроба. Вместе с москвичами эти люди образовали гигантскую миллионную толпу, хлынувшую к Колонному залу. Они спешили попасть в прощальный поток, напирая со всех сторон, не чувствуя ни начала, ни конца этой толпы. Началась давка. Толпа несла стиснутые друг другом тела по всей ширине проездов и проходов – от стены до стены, по асфальту, затаптывая цветы и тела упавших людей. Вызвали войска, перегородили грузовиками улицы в 7-8 рядов, солдаты пытались вытащить сдавленные тела из-под грузовиков. Неизвестно, сколько народу передавило за эти 3 дня траурного прощания. Называли до 5 тысяч только задавленных насмерть.

Я и понятия не имел, что до самой смерти Сталина ежегодно тысячи людей арестовывались, ссылались и расстреливались при малейшем подозрении в неповиновении ему. Сталин лично участвовал в разработке этой системы, давая прямые указания руководителям НКВД, принимал рапорты о судах, расстрелах, пытках, системе содержания заключенных, ловле беглецов и использовании рабского труда. Горы трупов лежали вдоль построенных дорог и каналов, в том числе, совершенно бесполезных. «Я сомневаюсь, что в мире был убийца, о котором плакали бы так много», сказал Иосиф Бродский.

Глядя на похороны Арафата, я вижу, что аналогия слишком очевидна и многопланова; ее заметили многие. Сталин, как и Арафат, в начале своей карьеры революционера занимался «эксами», то есть террором и грабежами, не стеснясь сотрудничеством с охранкой, считая, что для победы все средства разрешены. Арафат финансировал террористов ХАМАСа и Исламского джихада, взрывы в автобусах и ресторанах шахидов-смертников. Как и большевики, палестинские террористы брали и убивали заложников. Удивительное сходство даже мелких подробностей: оба до полного отключения сознания не могли поверить в свою смерть, умирая, открыли глаза, когда соратники уже объявили их мертвыми.

Когда умирал Сталин, для одних мир рухнул, а для других, наконец, восстал из руин. Миллионы советских людей, почти не веривших ни в мистику, ни в Бога, мумифицировали Ленина и искренне не могли себе представить, что умрет Сталин. А разве могли поверить в смертность Ким Ир Сена северные корейцы, которые теперь точно так же не верят в смертность Ким Чен Ира? Вот и палестинцам трудно поверить, что не будет Арафата, хотя это вовсе не означает его особого величия и тем более добродетельности. Договориться о разделе власти соратники Сталина, как и приближенные Арафата, конечно не могли. Поэтому было провозглашено, как и после смерти Ленина, «коллективное руководство». Уже известно, чем это кончается на практике: самый коварный и беспощадный перебьет остальных. Сталин расстрелял Каменева и Зиновьева, входивших в тройку управляющего «коллектива» после смерти Ленина, Хрущев расстрелял Берия и сослал Маленкова. Как сложится «коллективное руководство» Палестинской автономией, остается только гадать, но первое покушение на одного из претендентов уже состоялось. Дай-то Бог, чтобы смерть Арафата, как смерть Сталина стала благом для народа. Вспомним, что смерть тирана оказалась спасением и для его верных учеников-соратников, и для миллионов узников ГУЛАГА, а также для всего советского народа, особенно для евреев.

Прощание диктаторов с жизнью не бывает легким, а смерть не сопровождается отпущением грехов. Но зомбированная толпа рвется к гробу уходящего в мир иной вождя, не помня, что дети их, в крайнем случае, внуки, не только не вспомнят, но даже и узнать не захотят о людях, ознаменовавших целую эпоху в жизни народа. Как меня поразило, и, в конце концов, порадовало, когда твоя мама в возрасте 12 лет вдруг спросила: «А кто такой Сталин?». Никто не бессмертен, и в этом состоит демократичность истории. Так стоит ли рваться, рискуя жизнью, в толпу, поклоняясь смерти «раскрученного» пропагандой идола.